

Тадышева Н. О.

ТРАДИЦИОННЫЙ ЭТИКЕТ АЛТАЙЦЕВ В СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННОМ АСПЕКТЕ

Рассматривается традиционный этикет в семейно-родственных отношениях алтайского населения Республики Алтай на основе полевых материалов автора. Исследование норм поведения внутри семьи дает возможность выявить специфику духовной культуры алтайцев, общественного быта в контексте нравственно-этических представлений и этикета традиционной культуры. Рассмотрено символическое значение этикетного поведения по отношению к родителям, а также родственникам: связь дяди и племянника, отношения между детьми сестер, в основе которых лежат архаические, шаманские, бурханистские представления о культе предков и природы, магии слова, оппозиция «чужой» – «свой». Выявлены изменения норм поведения внутрисемейного и семейно-родственного этикета в условиях социально-экономических, культурных факторов современного общества: обычая избегания, отношения с «пуповичной» матерью.

Ключевые слова: *традиционная культура, традиционный этикет, семейно-родственный этикет, сакральность, изменчивость, устойчивость, нормы поведения.*

В современном мире в условиях нарастания противоречий и возрастания конфликтного потенциала, когда мировоззренческие чувства людей становятся средством борьбы с представителями другого этноконфессионального сообщества, актуальным является исследование основ, причин и особенностей поведения народа. Для понимания культуры необходимо знакомство с этикетом, который, являясь стандартом различных форм коммуникаций, контролирует и объединяет людей внутри конкретного общества.

В этнографической литературе достаточно подробно разработаны теоретические вопросы этнографии общения, выработана методика исследования этикета (Бгажноков, 1978; Байбурин, Топорков, 1990). Этикет определяется как система характерных моральных предписаний ритуализированного общения в типичных, изо дня в день повторяющихся ситуациях взаимодействия (Бгажноков, 1978: 10). Также под этикетом понимается совокупность специальных приемов и черт поведения, с помощью которых происходит выявление, поддержание и обыгрывание коммуникативных статусов партнеров по общению (Байбурин, Топорков, 1990: 5).

Традиционный этикет алтайцев до настоящего времени не являлся предметом специального исследования, хотя фрагментарные упоминания о различных этикетных нормах и описания некоторых стандартов поведения встречаются в исторических и этнографических трудах, посвященных традиционной культуре алтайцев. В историко-этнографической литературе описанию алтайской традиционной обрядности, в том числе отдельным сторонам этикета, внимание уделялось еще с XIX в. Однако обрядность алтайцев, описанная в источниках XIX в., отличается краткостью, неполнотой (Вербицкий, 1893; Радлов, 1989).

Советские и российские этнографы, исследуя традиционную культуру, описывают обряды жизненного цикла, выявляют изменения и территориальные особенности семейной обрядности под влиянием православия, отражают трансформации обычного семейного права алтайцев на примере обычаев жизненного цикла, но без комплексного изучения различных сторон этикета, без выявления его традиционных специфических черт, анализа их трансформации в современных условиях (Шатинова, 1981; Тадина, 1995; Тадышева, 2011; Енчинов, 2013).

Большое значение в традиционной культуре алтайцев отводится системе родства и родственному этикету. Много в обыденной жизни алтайцев определяется через взаимоотношения между многочисленными родственниками, придерживающимися традиционного этикета – характер, воспитание, судьба. Алтайцы, сватая для сына девушку, заранее узнают о членах ее семьи и родственниках, о ее роде «сöök»: «сöök-тайакту, угу-тöстү» (уважаемый род),

«*жайым, жымжак эжиктү журт*» (род с просторной, мягкой дверью). Считается, чем крепче род, семья, тем выше их авторитет, статус в обществе, тем почетнее с ними породниться.

В современном алтайском обществе культ предков не утратил своего значения, и сегодня почитаются *байана* (тотемное животное или птица), *жайаачы* (тотемное дерево), *ыйык туу* (священная родовая гора). Культ предков сохраняется благодаря особому значению, которое придается и в настоящее время родовым связям. Предков представляют обладающими тайнами, связями с высшими силами небесного, земного и подземного миров, с их помощью можно влиять на стихии природы, постоянно и всесторонне воздействующими на земную жизнь.

Архаический культ предков отражается в почтительном, уважительном обращении всегда на «Вы» в **отношении к родителям**. Так, в устном народном творчестве прослеживается сакральность «*байлу*» родителей и всех предков. Это могут быть «мать и отец» – «священная родовая гора» либо небесные светила, в которых выражается сакральный образ матери и отца.

Алып-күлүк баатырым
Алтайына жүрбей кайтты.
Ай алтына арта түшкен
Ала тайга адам деген,
Күн алтына томро түшкен
Күрен тайга энем деген.
(Маадай-Кара, 1973: 68, 252).

Алып-кюлюк, богатырь мой,
На своем Алтае живет.
Под лунной дугой протянувшуюся
Пегую гору отцом называет,
Под солнцем [вдоль долины] стоящую
Бурую гору матерью называет.

Или:

Өрө турган күн эне,
Бейин көргөн ай ада,
Бир алкыжар беригер.
Бир быйанар жетиригер...
(Муйтуева, 1996: 14).

На верху стоящая солнце-мать,
Сюда смотрящий луна-отец,
Дайте свое благословление.
Доведите свою благодать...

Родственным коллективом, как правило, руководил самый старший, уважаемый человек. Ко всем старшим по возрасту обращались с помощью особых терминов родства, младшие подчинялись старшим. В общении учитывался фактический возраст и родовая принадлежность. Принадлежность к определенной семейно-родственной группе обязывала каждого члена беречь ее честь. Житейская мудрость старших ценилась высоко:

Алтай-Буучай адын токтотты,
Карганды шиндеп көрди.
Карууна мынайда айтты:
«Мен каргандарды кырбайтам,
Каршуларымла женижетем».
(Алтай-Буучай, 2013: 66–67).

Алтай-Буучай коня остановил,
На старца внимательно посмотрел.
В ответ так сказал:
«Я стариков не истребляю,
С врагами своими борюсь».

Есть мнение, что нельзя проходить перед пожилыми людьми. Если в современном светском этикете это объясняется просто вежливостью, уважением к преклонному возрасту, то в традиционном этикете это диктовалось религиозно-мифологическими представлениями – впереди пожилого человека может идти посыльный (*алдаачы*), который уводит *ару тын сүне* (букв. «чистая душа», здесь двойник) человека в мир предков (Муйтуева, 2004: 119, 130).

Отношения между родственниками по крови. Еще в источниках XIX в. зафиксировано, что алтайцы чрезвычайно чадолюбивы (Вербицкий, 1893: 101). Однако отец особой

любви к детям не должен проявлять, детей ласкала обычно мать. Этикетные нормы подчеркивают главенство отца и подчиненное положение детей.

В традиционной культуре имелся ряд обрядов, связанных с появлением младенца на свет, суть которых в основном сводилась к тому, чтобы обмануть злых духов. Из этнографической литературы известно, что у алтайцев существовало мнение, что, дав ребенку плохое, неблагозвучное имя, можно было его уберечь от злых духов. Детям «стараятся дать имя как можно похуже, предполагая, что с худым именем долго жить будет» (Вербицкий, 1893: 85–86). В настоящее время данная традиция присутствует в несколько измененном виде: в семье дают ребенку имя (домашнее), которое чужим не говорят, чтобы невозможно было установить «настоящее» имя. Тем самым родители, родственники пытаются уберечь его от «темных сил». Пожилые люди могут дать «неблагозвучное» имя новорожденному, желая ребенку здоровья, счастья и долголетия, и это, конечно, воспринимается родственниками ребенка благожелательно, без обид.

В наречении имени прослеживается и влияние культа предка; так, нельзя давать ребенку имя предка до седьмого колена, существует вообще запрет на произношение имен умерших.

Маленькому ребенку не дают есть вареное сердце и язык овцы. Сердце, чтобы ребенок не был пугливым. Язык не дают, чтобы ребенок не был «языкастым, скандальным». Хотя, может быть, данный запрет имеет и другое объяснение, связанное с сакральными частями животных. Так, близкие родственники умершего в течение семи дней после его смерти не ели печень, сердце заколотых животных.

К детям, особенно к тем, кто еще не умеет говорить, относятся по-особенному: их нельзя ругать, бить, относиться плохо. Всегда нужно помнить пословицу: «*Jaанды jaан, jaиты jaиш*» («Старшего старшим считай, младшего – младшим»).

Для благополучия матери также придерживаются охранительных норм поведения: после захода солнца нельзя жевать листовническую серу – «жуешь печень матери»; сидеть на земле, опираясь руками за спиной «*jer jуктенер*», – якобы это приводит к болезни, смерти матери.

Во время свадебной поездки к родителям невесты проводится обряд «*энезинин сүдинин каргыжы*» (букв. «проклятье материнского молока»), который сводится к подношениям матери невесты символической платы сватов, молодых за грудное молоко матери, за воспитание дочери.

В семье должны жениться или замуж выходить по старшинству. Если младшие опередили, то они должны старшему брату рубашку подарить, старшей сестре – серьги. Данное действия объясняются тем, что младшие забирают счастье старших и, преподнося подарок, искупают свою вину. Во время свадьбы просят их простить.

В один год двое родных братьев не женятся. Многие объясняют этот запрет финансовыми затратами при проведении двух свадеб. Но можно предположить, что это связано с «опасным» воздействием невесты *келин*, которая первоначально предстает в качестве «чужой». Слово *келин* произошло от слова *kel* – приходить (Древнетюркский, 1969: 295), т. е. невеста – это «пришедшая». Против нее во время свадебного обряда принимаются меры магически-религиозной защиты. В результате совершения обрядов происходит «отделение» ее от семьи родителей, от прежнего домашнего культа и постепенное включение в новую семейно-родовую среду.

Особых норм поведения придерживаются и тогда, когда умер близкий человек, – нельзя много плакать, сильно страдать, так как считается, что умершему будет трудно уйти в «мир предков». Слезы, пролитые над ним, это лишние препятствия на его дороге. Как бы близок и дорог не был человек, надо себя держать в руках. «*Ат өлбөскө – алтын эмес, эр өлбөскө – мөнкү эмес*» – «Конь не золото, чтобы не пасть, муж не вечен, чтобы не умереть», – гласит народная пословица. Считается, что смерть – это неизбежное явление для пожилых, проживших свою жизнь людей. В похоронных действиях, в обрядах отделения близкие родственники

не принимают участие или только присутствуют при омовении, одевании покойного, изготовлении гроба, могилы, приготовлении поминальной трапезы. Но двуединый амбивалентный обряд перехода «чачылгы/ чачылта» (букв. «кропление», здесь «кормление душ умерших»), выражающий отделение умершего от «мира бытия» и одновременно включение в «мир инобытия», проходит именно при непосредственном участии близких родственников. Прослеживается связь с культом предков, когда только родственники могут сопровождать человека в «мир предков».

Родные умершего в течение года соблюдают особые запреты (*бай тудар*): не посещают целебные источники *аржан-суу*, ничего не строят *агаиш-таиша урушпас* (букв. с деревом не возятся), свадьбы не проводят, обряды окуривание *арчын* ом (можжевелик) не проводят, чтобы не осквернить умершего. Родные не одевают его шапку и обувь.

Повышенное внимание уделяется в традиционном этикете **взаимоотношениям дяди по матери и племянника** – *таайы* – *jeni*. К *таайы* обращаются «*балтырына эт өскүрген, бажына чач өскүрген тös таайы*» («на мышцах мясо нарастивший, на голове волосы отрасли родовой (покровитель) дядя по материнской линии»).

Все жизненные циклы в алтайской традиционной культуре проходят при участии *таайы*. Во время празднования ребенку одного года «*койу көчө*» (букв. «густая перловка») *таайы*, говоря *алкыш* и (благопожелания) племяннику, подстригает первую прядь волос с челки ребенка и обязательно дарит животное «*жылу тынышту*» (с теплым дыханием) – овечку или лошадь. Волосы забирает *таайы* себе, и по исполнении двенадцати лет племянник с гостинцами *күндү-күреелү* приезжал к *таайы* их «выкупать».

Если ребенок к празднованию одного года еще не ходит сам, проводят следующий обряд: ноги ребенка завязывают белыми нитками или лентой *тужак* (путы), и *таайы* или какой-нибудь *шулмус* – шустрый ребенок, произнося *алкыш*, разрезает ленту со спины ребенка либо ножницами, либо ножом, чтобы ребенок быстрее пошел, символически «открывая» для его ног дорогу.

Предсвадебные обряды сватовства родственников невесты возглавляет *таайы* жениха, он же традиционно начинает послесвадебный обряд *белкенчек* (букв. «задняя часть туши животного», здесь – визит на следующий день после свадьбы родственниками жениха к родителям невесты в знак уважения к ним за воспитание дочери с подарками) в доме родителей невесты.

Непосредственно на свадьбе *таайы* жениха совершает обряд поклонения огню, во время обряда заплетания косы невесты *таайы* жениха проводит *обряд баишады* (букв. «голова пошла», здесь «слово дается» – во время свадебной церемонии дается право говорить *алкыш* – благопожелания новой семье) по старшинству родственникам. При этом учитывается и возраст, и статус. Когда родственники говорят *алкыш*, благословляя молодых, жених с *таайы* ходят вокруг очага, и жених льет топленое масло в огонь. После проведения *баишады* и заплетания косы невесты *таайы* совершает обряд открывания *көжөгө* (свадебный занавес, закрывающий невесту во время обрядов перехода). По отношению к *таайы* невеста должна придерживаться особенных правил поведения – *кайындаиш*.

Исключительная связь между *таайы* и *jeni* подкрепляется мнением о том, что нельзя ни в коем случае поднимать руку на *таайы*, если такое случится, то рука всю жизнь будет трястись. Это не свидетельство того, что *jeni* может поднять руку на старшего по статусу, хотя, может быть, младшего по возрасту родственника, а подчеркивает противоестественность самого действия и его последствия.

Есть высказывание, характеризующее **отношения между детьми сестер** – *бөлө*: «*бөлө – бөрөк үлежер*» (букв. «дети сестер бараньими почками делятся друг с другом»). В древнетюркском словаре *böl* значит «делить», «разделять» (Древнетюркский, 1969: 117). По смысловой нагрузке и семантическому значению деление между собой всем является следствием крепкой связи.

Место и роль, отводимые в семейных отношениях матери, родственникам с ее стороны – *таайы*, *бёлö* говорит о существовании в историческом прошлом у алтайцев системы матери линейности, а также об устойчивости этой категории родственных связей у современных алтайцев.

В отношениях между родственниками прослеживается влияние бурханизма, распространившегося в начале XX в. в Горном Алтае. Основными предметами бурханистского культа были *жайык*, *жалама (кыйра)*, *арчын*, береза. *Арчын* у приписывали охранительные и очистительные свойства, он являлся необходимым компонентом во всех бурханистских обрядах (Шерстова, 2010: 208, 210). В повседневной жизни сегодня нельзя брать *арчын* у посторонних, только у родственного *сöкк*, а также и давать его можно только родственникам по роду. Таким образом, через сакральность *арчын* а проявляется бинарная оппозиция «чужой» – «свой» на родовом уровне, исходя из родовой принадлежности.

В семейно-родственных отношениях особое место отведено женщине, которая принимала роды, *кин /кой/ киндикэне («пуповичная мать»)*. Она считается благословенной боже-ствами, духами. Ребенка необходимо приводить с подарками в гости к ней. Некоторые дети даже становятся похожи на нее: «*Кирым јунган кин энем*» (букв. «Грязь с меня смывшая пупочная мать моя»). Сегодня ритуальные действия, связанные с ее почитанием, на грани исчезновения, хотя в последнее время бывают случаи, когда молодые родители назначают «*кин (кой, киндик) эне*» из числа своих родственников. Назначенная «*кин(кой, киндик) эне*» несет такую же ответственность за ребенка, как и родители. Следовательно, наблюдается, что, с одной стороны, есть попытка сохранить традиционное представление о «*кин (кой, киндик) эне*», с другой стороны, проявляется влияние русской культуры – в образе крестной матери. Основываясь на том, что *кин /кой/ киндик эне* отводилась главная роль организатора традиционной родильной обрядовости, можно предположить, что раньше она являлась важным представителем рода, принимавшим нового его члена. Она не только владела традиционными знаниями, но и знала магию, могла с ее помощью управлять родами.

Одной из этикетных особенностей поведения алтайцев является «*кайындаш*» – *обычай избегания*, направленный на защиту родителей мужа, *таайы*, жениха от невесты, которая в первую очередь является представителем другого рода и, даже вступив в брак, не утрачивает этой принадлежности. Невестка соблюдала следующий комплекс запретов: на произнесение имени, на неподобающий вид (в присутствии *кайны* нельзя обнажать руки выше кисти, показывать босые ноги, обнажать грудь, чтобы покормить ребенка), лицемерия (нельзя показываться *кайны* с непокрытой головой – он не должен видеть ее волосы), пространственные запреты (в аиле *кайны* необходимо бережно обходиться с очагом – не переходить изголовье огня, вне аила не должна проходить между коновязью и аилом *кайны*), запрет на частные встречи. Ей пожизненно запрещалось называть по именам родителей мужа, не использовать имена старших родственников мужа как в их присутствии, так и в их отсутствие. Даже названия предметов, созвучные их именам, невестка должна была заменять в разговоре другими словами. В основном невестка изменяла имена родителей мужа. Невестке также запрещалось называть по имени предков мужа, уже ушедших из жизни. Ее «опасное» воздействие сильно по отношению к новым родственникам, и против нее принимались меры магически-религиозной защиты. В результате совершения соответствующих обрядов происходило «отделение» ее от семьи родителей, от прежнего домашнего культа и постепенное включение в новую среду. Сохраняется представление о магическом значении слова, которое при произношении «чужим», в данном случае чужеродной *келин*, может быть опасным для мужа и его родственников и способно причинить им вред. Отсюда и запрет прямого обращения к ним.

Необходимо отметить, что со временем стали нивелироваться некоторые запреты: на произношение имени свекрови и свекра. Сейчас встречаются ситуации, когда детей называют в их честь; на лицемерие этой группы родственников. Невестка в присутствии отца, брата мужа может сидеть с непокрытой головой, может обращаться к ним напрямую. Изменения,

коснувшиеся обычая избегания, – это следствие демократических преобразований в жизни современного алтайского общества, а также их влияния на внутрисемейные отношения.

Представленный материал свидетельствует о том, что на стандарты общения внутри алтайской семьи, рода, общества влияют архаические, шаманские и бурханистские представления. Зооморфный код языка алтайской культуры требует дальнейшего исследования в широком культурном контексте.

Согласно мировоззрению алтайцев, причинами болезней, несчастий человека и семьи, а в целом и неблагополучия народа могло быть нарушение общепринятых норм и правил поведения. Поэтому так важно было их соблюдение. Через их институализацию, регламентацию и регулирование в общество по-прежнему внедряются представления о нормах, ценностях, смыслах, символах традиционной алтайской культуры. Однако в современных условиях урбанизации и глобализации наблюдается тенденция упрощения некоторых этикетных норм поведения. Но в целом необходимо отметить, что сохраняется и представление о том, что благодаря сохранению и развитию традиционного этикета в семейно-родственных отношениях достигается благополучие всего алтайского сообщества.

Полевые материалы автора

Ажанарова Тогунчи Кыпчаковна, 1926 г. р., *сөөк кыпчак*, место рождения и проживания – с. Кырлык Усть-Канского района Республики Алтай, запись 2012 г.

Антрадонова Мария (Кине) Идруковна, 1932 г. р., *сөөк очы*, место рождения и проживания – с. Верх-Ануй Усть-Канского района Республики Алтай, запись 2013 г.

Керексибесова (Сансарова) Мандык Бадаевна, 1929 г. р., *сөөк көжөө*, место проживания – с. Сугаш Усть-Коксинского района Республики Алтай (место рождения – с. Талда Онгудайского района), запись 2009 г.

Сорошева Унчукпас Бапаевна, 1930 г. р., *сөөк кыбкк*, место проживания – с. Каракол Онгудайского района Республики Алтай (место рождения – с. Верх-Мута Усть-Канского района), запись 2012 г.

Тоедов Эчиш Нокорович, 1933 г. р., *сөөк очы*, место рождения и проживания – с. Келей Усть-Канского района, Республика Алтай, запись 2012 г.

Список литературы

Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.

Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978.

Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: сб. этнограф. ст. и иссл-й алтайского миссионера, протоиерея В. И. Вербицкого. М.: [Б.и.], 1893. 256 с.

Древнетюркский словарь. Л.: Наука. 1969. 676 с.

Енчинов Э. В. Семейные ценности алтайцев: трансформация обычного права в современной культуре. Горно-Алтайск: ИП Г. Г. Высоцкая, 2013. 226 с.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1973. 476 с.

Муйтуева В. А., Чочкина М. П. Алтай жан (Биленин бичиги) / Алтайская вера (Семейная книга). Горно-Алтайск: Горно-Алт. типогр., 1996. 208 с. (на алт. яз.).

Муйтуева В. А. Традиционная религиозно-мифологическая картина мира алтайцев. Горно-Алтайск: Типогр. ЧП Г. Г. Высоцкой, 2004. 166 с.

Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.

Тадышева Н. О. Влияние христианизации на семейную обрядность коренного населения Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алт. типогр., 2011. 176 с.

Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 207 с.

Улагашев Н. Алтай-Буучай // Алтай баатырлар (Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2013. С. 22–93.

Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алт. кн. изд-ва, 1981. 182 с.

Шерстова Л. И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Томский гос. ун-т, 2010. 288 с.

Тадышева Н. О., кандидат исторических наук, зам. директора.
Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова.
Ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, Россия, 649000.
E-mail: tadisheva@mail.ru

Материал поступил 21.03.2016

Tadysheva N. O.

TRADITIONAL ETIQUETTE OF ALTAIANS IN FAMILY AND KINSHIP ASPECT

The article deals with the traditional etiquette in the family and kinship relations of the Altai population in the Altai Republic basing on the author's field studies. The study of conduct rules within the family provides an opportunity to identify the specifics of the spiritual culture of the Altaians, social life in the context of moral and ethic ideas and the etiquette for traditional culture. The article examines the symbolic significance of behaviour etiquette towards parents and between relatives: the relationship of uncle and nephew, the relationship between the children of sisters, which are based on archaic, shamanic, burkhanism ideas about the cult of ancestors, the cult of nature, magic words, the opposition «alien» «akin». There were revealed changes of conduct rules of family and family-related etiquette in terms of socio-economic and cultural factors of modern society: the custom of avoidance, relations with “umbilical” mother.

Key words: *traditional culture, traditional etiquette, family and kinship etiquette, sacredness, variability, stability, norms of behaviour.*

Author's field studies

Azhanarova Togunchi Kypchakovna, born in 1926, söök kypchak, place of birth and residence – village of Kyrlyk, Ust-Kan district, Altai Republic, recorded in 2012.

Antradonova Mariya (Kine) Idrukovna, born in 1932, söök ochy, place of birth and residence – village of Verkh-Anui, Ust-Kan district, Altai Republic, recorded in 2013.

Kereksibesova (Sansarova) Mandyk Badaevna, born in 1929, söök közhöö, place of residence – village of Sugash Ust-Koksa district, Altai Republic (the birth place – village of Talda, Ongudai district), recorded in 2009.

Sorosheva Unchukpas Bapaevna, born in 1930, söök köböк, place of residence – village of Karakol, Ongudai district, Altai Republic (the birth place – village of Verkh-Muta, Ust-Kan district), recorded in 2012.

Toedov Echish Nokorovich, born in 1933, söök ochy, place of birth and residence – village of Keley, Ust-Kan district, Altai Republic, recorded in 2012.

References

Bayburin A. K., Toporkov A. L. *U istokov etiketa. Etnograficheskiye ocherki* [At the roots of etiquette. Ethnographic sketches]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 165 p. (in Russian).

Bgazhnokov B. H. *Adygskiy etiket* [Adyg etiquette]. Nalchik, Elbrus Publ., 1978. p. (in Russian).

Verbitskiy V. I. *Altayskiye inorodtsy: sbornik etnograficheskikh statey i issledovaniy altayskogo missionera, protoiereya V. I. Verbitskogo* [Altai aborigines: collection of ethnographic articles and scholarship by the Altai missionary, protoierei V. I. Verbitskiy]. Moscow, [B. i.], 1893. 256 p. (in Russian).

Drevnetyurkskiy slovar [Old-Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 676 p.

Enchinov E. V. *Semeynye tsennosti altaytsev: transformatsiya obychnogo prava v sovremennoy culture* [Family values of Altaians: transformation of common law in modern culture]. Gorno-Altaysk, IP G. G. Vysotskaya, 2013. 226 p. (in Russian).

Maaday-Kara. *Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroic ethos]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 476 p.

Muytueva V. A., Chochkina M. P. *Altaj jaŋ (Bileniŋ bichigi) / Altayskaya vera (Semeynaya kniga)* [Altai faith (Family book)]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskaya tipografiya Publ., 1996. 208 p. (in the Altai language).

Muytueva V. A. *Traditsionnaya religiozno-mifologicheskaya kartina mira altaytsev* [Traditional religious mythological world view of Altaians]. Gorno-Altai, Tipografiya IP G. G. Vysotskoy Publ., 2004. 166 p. (in Russian).

Radlov V. V. *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Excerpts from a Diary]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 749 p. (in Russian).

Tadysheva N. O. *Vliyaniye khristianizatsii na semeynyuyu obryadnost' korennoy naseleniya Gornogo Altaya* [Influence of Christianization on family rituals of aboriginal population of Mountain Altai]. Gorno-Altai, Gorno-Altayskaya tipografiya Publ., 2011. 176 p. (in Russian).

Tadina N. A. *Altayskaya svadebnaya obryadnost' (XIX–XX vv.)* [Altai wedding rituals (XIX–XX cent.)]. Gorno-Altai, Yuch-Syumer Publ., 1995. 207 p. (in Russian).

Ulagashev N. Altaj-Buuchaj. *Altaj baatylar (Altayskiye bogatyri). Altayskiy geroicheskiy ehpos* [Altai bogaturs: Altai heroic ethos]. Gorno-Altajsk, 2013. S.22-93.

Shatinova N. I. *Sem'ya u altaytsev* [Family of Altaians]. Gorno-Altai, Gorno-Altayskoy otdeleniye Altayskogo knizhnogo izdatelstva Publ., 1981. 182 p. (in Russian).

Sherstova L. I. *Burkhanizm: istoki ehtnosa i religii* [Burkhanism: roots of ethos and religion]. Tomsk, Tomskiy gosudarstvennyy un-t Publ., 2010. 288 p. (in Russian).

Tadysheva N. O.

S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics.

Ul. Sotsialisticheskaya, 6, Gorno-Altai, Altai Republic, Russia, 649000.

E-mail: tadisheva@mail.ru